

БАЛЛАДА О ВАЛЕНТИНЕ ПОТОЦКОМ

Не улыбкою Фортуны, легкомысленной девицы
Граф Потоцкий увлечен был во французскую столицу.
Но премудрости науки в славном университете
Занимали Валентина больше всех чудес на свете.
Графа ждет его невеста под Варшавою в поместье.
Нет из Франции Беате ни посланий, ни известий.
Ах, Париж! Столица мира, средоточие соблазна...
Добродетель там греховна, совершенство – безобразно.

Год проходит – и невеста в сердце пестует тревогу.
Год проходит – и невеста собирается в дорогу.
Ищет бедная Беата жениха в пределе дальнем,
По веселому Парижу бродит призраком печальным.
Не бывает граф Потоцкий на балах и на приемах.
Ни в театре, ни в соборе, ни в посольстве, ни в хоромах.
Ах, Париж! Столица мира, средоточие соблазна...
Добродетель там греховна, совершенство – безобразно.

Слух прошел – о том ей молвил нищий на ее пороге:
Кто-то видел Валентина средь евреев в синагоге!
Вот, у входа в храм еврейский, чуть жива, стоит Беата.
Видит свитки, покрывала. Занавеска чуть примята,
Кто-то молча бьет поклоны... Непривычная картина.
Сердце дрогнуло – узнала тихий голос Валентина.
Ах, Париж! Столица мира, средоточие соблазна...
Добродетель здесь греховна, совершенство – безобразно...

Ах, несчастная Беата! Горечь сердца не измеришь...
"Валентин, ужель отныне ты в любовь мою не веришь?"
На прямой вопрос невесты и жених ответил прямо:
"Ты любила Валентина – не еврея Авраама!
Я уеду из Парижа, прошлое навек развеяв,
Я уеду в старый Вильно, буду жить среди евреев.
Я хочу уйти от мира, средоточия соблазна,
Где греховна добродетель, совершенство – безобразно!"

Донесли на Валентина: он не просто остутился –
Он костра достоин, ибо в иудея обратился!
Обещал ему епископ, что получит он прощенье,

Коль раскается публично в столь опасном заблужденье,
И расстанется навеки с иудейским ветхим хламом.
Но ответил граф Потоцкий, ныне ставший Авраамом:
*"Я хотел уйти от мира – средоточия соблазна –
Где греховна добродетель, совершенство – безобразно.*

О, как часто вопрошал я в дальних селах и в столицах:
Что за вера, в самом деле, так нуждается в темницах?
Коль застенок – вместо храма, а палач – вершитель веры,
То от истины исходит запах ада, запах серы...
Я нашел, епископ, правду у гонимых иудеев,
И за то меня ты держишь средь отъявленных злодеев?
*Удержатъ меня стремишься в средоточии соблазна...
Добродетель здесь греховна, совершенство – безобразно!"*

Он от веры не отрекся ради жизни грешной, зыбкой
И молитву в час последний на костре вознес с улыбкой.
...И гуляла в старом Вильно то ли правда, то ли сплетня –
Будто пепел Авраама схоронила ночью летней
Некая еврейка Сарра... Но звалась она когда-то
Позабытым, не еврейским – польским именем "Беата".
*Так они ушли от мира, средоточия соблазна –
Где греховна добродетель, совершенство – безобразно...*

Литовские евреи долго хранили память о графе Валентине Потоцком, обратившемся в иудаизм во время учебы в Париже, а впоследствии приговоренном к сожжению за отказ вернуться в католичество. В еврейских преданиях он носит имя Гер Цедек – "праведный прозелит".

Донос на Потоцкого написал его сосед, еврей-портной, сыну которого Авраам-Валентин сделал в синагоге замечание, когда тот, расшалившись, мешал молитве. Друг Потоцкого Заремба, принявший иудаизм вместе с ним, из Парижа уехал не в Литву, а в Палестину и, поселившись в Хевроне, дожил до глубокой старости.